

Отчего погибла Атлантида?

(Изъ книги «Тайна Запада»).

БѢЛАЯ И ЧЕРНАЯ МАГІЯ.

I

Мысль «Атлантиды» очень проста у Платона, а если кажется намъ непонятной, то, можетъ быть, только потому, что слишкомъ противоположна всѣмъ нашимъ мыслямъ объ исторіи. Это мысль Бытія и всей до-христіанской, языческой древности; тутъ, впрочемъ, язычники къ христіанству ближе нашего.

Мы живемъ въ «божественной» или «не-божественной комедіи», они живутъ въ трагедіи; рай для насъ будетъ, для нихъ—былъ; грѣхопаденія для насъ не было, для нихъ — было; мы знаемъ, что все хорошо кончится, этого они не знаютъ; мы движемся впередъ — «прогрессируемъ» — по прямой и непрерывной линіи, они — по ломанной и прерванной: прерывъ и есть «Атлантида».

II

Атлантида — рай на землѣ, но какой, бывший или будущій, этого Платонъ не знаетъ, не смѣетъ знать, можетъ быть, потому, что слишкомъ хорошо знаетъ, что рѣчь идетъ не о пустякахъ, а о самомъ для него святомъ и великомъ — о Градѣ человѣческомъ — Градѣ Божьемъ: тутъ сказать, значитъ сдѣлать, а сдѣлать, значитъ «измѣниться физически», уже не въ «идеѣ-образѣ», не въ миѣѣ, «измышленной баснѣ, а въ сущей истинѣ», что сдѣлать не такъ-то легко.

III

Манить насъ всѣхъ Океанъ, обтекающій Островъ
блаженныхъ,

вспоминаеть Гораций Гомера:

Ты не умрешь и не встрѣтишь судьбы въ многоко-
номъ Аргосѣ;
Ты за предѣлы земли, на поля Елисейскія будешь
Посланъ богами, туда, гдѣ живетъ Радамантъ зла-
товласый,
Гдѣ пробѣгаютъ свѣтло безнечальные дни человѣка,
Гдѣ ни метелей, ни ливней, ни хладовъ зимы не
бываетъ.
Гдѣ сладко-шумно летающій вѣетъ Зефиръ,
Океаномъ
Съ легкой прохладой туда посылаемый людямъ
блаженнымъ.

Это такъ хорошо, что забыть нельзя: это золотой вѣкъ,
золотой сонъ человѣчества.

«Вся эта часть Острова (около столицы Атлантовъ),
обращенная къ югу, защищена была горами отъ сѣвер-
ныхъ вѣтровъ, — сообщаетъ Платонъ. — Горы же тѣ сла-
вились тогда красотой и величьемъ больше всѣхъ нынѣш-
нихъ горъ на землѣ». Падая въ море отвѣсными кручами
скаль, уединяли онѣ райски-уютныя долины Острова.

«И такое было тамъ изобиліе всего, что корму хватало
не только на всякую тварь въ озерахъ, болотахъ и рѣ-
кахъ, а также на горахъ и въ долинахъ, но даже слоны,
которыхъ было на Островѣ множество, — самая большая
и прожорливая тварь — нажиралась до-сыта. И всѣ благо-
воня, какія только рождаетъ земля, и цѣлебные корни,
и злаки, и деревья, источающія смолы, и плоды, и цвѣты...
чудесные, волшебные священные... все это Островъ, тогда
еще озаряемый солнцемъ, рождалъ въ изобиліи неизсякае-
момъ».

Что за грусть въ этихъ словахъ, точно тѣнь смерти въ сіяніи рая: «Островъ, тогда еще озаряемый солнцемъ!» Можетъ быть, та же тѣнь проходитъ и по лицу Платона: вдругъ понимаетъ онъ, что Острова Блаженныхъ самъ никогда не увидитъ, потому что Мрачное море, *mare tenebrosum* — Смерть — отдѣляетъ его отъ живыхъ.

IV

Иногда, какъ будто нарочно, онъ спускаетъ мнѣ, чтобы прохладнымъ облакомъ скрыть слишкомъ жгущій огонь мистеріи: «измѣниться физически» — сгорѣть, умереть, оставаясь въ тѣлѣ, не такъ-то легко. Уже въ самомъ началѣ разказа такое сгущеніе.

Богъ Посейдонъ, получивъ при дѣлежѣ міра между богами островъ Атлантиду, полюбилъ живущую на немъ смертную дѣвушку Клито (Kleito), и оградилъ, ревнивый любовникъ, жилище возлюбленной, приморскій холмъ, заключивъ его въ концентрическія кольца рововъ и валовъ, чтобы никто не могъ проникнуть въ него, ибо люди тогда еще мореходства не знали. Этотъ новообразованный островъ, малый въ большемъ, онъ украсилъ чудесно: «высѣкъ изъ земли два источника, холодный и горячій, бившіе вмѣстѣ изъ одного отверстія, и произрастилъ обильно злаки, потребныя къ пищѣ». Это напоминаетъ рай Бытія: «произрастилъ Господь Богъ всякое дерево, пріятное на видъ и хорошее для пищи, и Дерево Жизни среди рая».

Десять сыновъ-близнецовъ, рожденныхъ отъ Клито, богъ вскормилъ самъ и, раздѣливъ между ними Островъ, первенцу, Атласу, далъ въ удѣлъ жилище матери, съ окрестной, лучшей и обширнѣйшей областью, и поставилъ его царемъ надъ братьями, а тѣхъ — князьями-архонтами, каждого надъ обширною и многолюдною областью. «И другими островами того Океана, а также областями по сю сторону Геркулесовыхъ Столповъ, до Египта и Тирреніи, владѣли они и потомки ихъ, ибо отъ царя Атласа произошелъ многочисленный и славный родъ; царская же власть переходила всегда къ старшему въ родѣ, и такъ сохранялась въ теченіе многихъ родовъ», по «закону, данному самимъ богомъ и начертанному первыми царями на орихалковомъ столбѣ въ храмѣ Посейдона, въ серединѣ Острова».

V

Кажется, Платонъ не глупѣе нашего: онъ хорошо понимаетъ, что все это сказка, даже не для взрослыхъ, а для маленькихъ дѣтей; понимаетъ и то, что настоящій богъ Атлантиды — не Посейдонъ.

«Греческимъ именамъ варваровъ не удивляйтесь, — предупреждаетъ слушателей Критій. — Первые, записавшіе повѣсть, египтяне перевели эти имена на свой языкъ, а Солонъ перевелъ ихъ на греческій».

Перваго царя Атлантиды Платонъ называетъ «Атласомъ»; Атласъ — титанъ, богъ; и это похоже на исторію: основатели великихъ государствъ и благодѣтели народовъ сльвуть у нихъ «богами»: *divus Caesar*, Александръ — *theos*.

Богъ Средиземнаго моря — Посейдонъ, а богъ Атлантики — Атласъ: можетъ быть, въ этихъ двухъ именахъ — нерасторжимая связь мифа-мистеріи съ исторіей.

VI

Атласъ — древній богъ-титанъ, низвергнутый новыми богами Олимпа.

Одного мы прежде знали
Бога, скованнаго цѣлью, —
Знали Атласа-титана,
Что, раздавленный, согнувшись,
На плечахъ могучихъ держитъ
Безпредѣльный сводъ небесъ,

плачетъ хоръ Океанидъ въ «Скованномъ Прометей» Эсхила. Прежде знали одного, а теперь узнали и другого: Прометей — на востокъ, Атласъ — на западъ. Оба — «страдальцы»: *πάθω* — корень имени *Atlas*, значитъ «терплю», «страдаю»; можетъ быть, и всей мистеріи корень: тайна страданія — уже не олимпійская, а титаническая тайна Атласа и Атлантиды — Атлантики.

Волны падаютъ на волны,
Плачетъ море, стонуть бездны;

Подъ землей, въ пещерахъ темныхъ,
Содрогается Аидъ,
И свѣтло текутъ, какъ слезы,
Родники священныхъ рѣкъ.

Этихъ слезъ не знаетъ Олимпъ, но всѣхъ мистерій сладость сладчайшая — въ нихъ. «Человѣкъ любить страдать», вотъ что хочеть и не смѣетъ сказать Платонъ: если бы онъ это сказалъ — открылъ тайну мистерій, — греки казнили бы его такъ же, какъ едва не казнили Эсхила за «Прометей».

VII

Огонь

Я смертнымъ далъ, и вотъ за что наказанъ,

говорить Прометей и могъ бы сказать Атласъ; тотъ — создатель второго человѣчества, этотъ — перваго; оба — человѣколюбцы: страдаютъ за то, что любятъ людей больше боговъ. Тайна страданія — тайна любви: вотъ огонь титановъ, которымъ сожженъ будетъ мѣръ боговъ.

Съ первымъ человѣчествомъ страдаетъ Атласъ въ Атлантидѣ — прѣисторіи, со вторымъ — Прометей — въ исторіи.

VIII

Древне-вавилонскій богъ Эа, богъ бездны морской и бездны премудрости, тоже человѣколюбецъ, тоже открываетъ людямъ тайны боговъ и возстаетъ на Ану, бога Отца, чтобы спасти человѣческій родъ отъ совершеннаго истребленія потопомъ. Первый мѣръ спасаетъ или хотѣлъ бы спасти Эа, а сынъ его, Страдалецъ Таммузъ спасаетъ мѣръ второй.

Эти три мѣра-мистеріи — вавилонскій, египетскій, греческій — можетъ быть, три луча одного свѣта, идущаго изъ бездны вѣковъ: что-то видятъ въ ней древніе, чего мы уже не видимъ.

IX

Мать-Вода древнѣе Матери-Земли. «Все отъ воды», учить физикъ Фалесъ; это знаетъ и метафизикъ Платонъ, но болѣе глубокимъ знаніемъ.

Духъ Земли ужасаетъ Фауста:

Weh! ich ertrag dich nicht.
Горе! я не могу тебя вынести.

Духъ Воды ужаснулъ Платона.

Атласомъ — духомъ Атлантики — рождена Атлантида. Сто Океанидъ, сидящихъ на дельфинахъ, — тотъ самый хоръ, который будетъ нѣкогда плакать у ногъ Прометей, — окружаетъ въ столицѣ Атлантовъ, въ храмѣ Посейдона-Океана, его исполницкій кумирь.

Вѣянье солсеной свѣжести сквозь всѣ благовоныя райскихъ долинъ — и теплыя смолы горныхъ лѣсовъ уже обвѣзаетъ грознымъ дыханіемъ безднъ Островъ, «пока еще озаряемый солнцемъ».

X

Твой образъ былъ на всемъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ.
Какъ ты, могучъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ,

можно бы сказать Океану о двухъ его созданіяхъ — древнемъ и новомъ: Западѣ — Атлантидѣ и Европѣ.

Рабствомъ Атлантида кончила — начала свободой; можетъ быть, и участь Европы та же. Духъ Океана есть духъ свободы скованной, духъ мятежа — «революціи», какъ мы говоримъ. — духъ безмѣрности. Греки, люди мѣры, явно бѣгутъ отъ него, тайно влекутся къ нему. *Hybris* — этимъ непереводаемымъ словомъ называетъ его Платонъ.

Hybris — гордыня титановъ, больше гордости человѣческой. «Человѣкъ возвеличится духомъ божеской, титанической гордости, и явится Человѣкобогъ» (Достоевскій).

Вотъ какія глубины озаряетъ сквозь облако миеа огонь мистеріи однимъ только словомъ: «*ethrepsato*, вскормилъ»; «десять сыновъ-близнецовъ богъ отъ смертной родилъ и вскормилъ». Вскормилъ чѣмъ? Магіей, знаніемъ глубинъ.

Атласу вѣдомы всѣ глубины Океана,

сообщаетъ Гомеръ. Другъ Олимпійцевъ, врагъ Титановъ, называетъ онъ Атласа «злымъ хитрецомъ», «кознодѣемъ», *oloophronos*, потому что «знаніе глубинъ» для Гомера тоже «гордыня», злая сила, или, какъ сказали бы христіане, «сила нечистая» — «черная магія».

Дочь Атласа, нимфа Калипсо — колдунья-волшебница: тамъ, въ Океанѣ Кромѣшномъ, на своемъ пустынномъ островѣ Огигіи, можетъ быть, однимъ изъ острововъ Атлантиды, держитъ она Одиссея въ плѣну «волшебствомъ». Дочь въ отца: «козни» Атласа — тайны магическихъ знаній: ими-то онъ и «вскормилъ» сыновъ своихъ, Атлантовъ.

Вся ихъ теократія есть теургія, магія. Мы сейчасъ увидимъ, что вся Атлантида зиждется на одномъ магическомъ дѣйстви — таинствѣ.

XI

Магія, душа Атлантиды — «ночная душа» всего чело-вѣчества.

Ахъ, двѣ души живутъ въ моей груди!

Можетъ быть, мы все еще не понимаемъ, какъ слѣдуетъ, трагическаго значенія для насъ этихъ двухъ душъ.

Двѣ души — два сознанія: бодрствующее, дневное, поверхностное, и ночное, спящее, глубокое. Первое — движется по закону тождества, въ силлогизмахъ, индукціяхъ, и, доведенное до крайности, даетъ всему строенію культуры тотъ мертвый, механической обликъ, который такъ хорошо намъ знакомъ; второе — движется по законамъ какой-то невѣдомой намъ логики, въ прозрѣнιάхъ, ясно-видѣнιάхъ, интуиціяхъ, и даетъ культурѣ обликъ живой, органической, или, какъ сказали бы древніе, «магической».

Наблюдая рядъ нисходящихъ отъ насъ въ глубину древности, великихъ культуръ, мы замѣчаемъ, что, по мѣ-

рѣ нисхожденія, механичность дневнаго сознанія въ нихъ убываетъ, и возростаеь органичность сознанія ночнаго, — та для насъ темная область его, которую древніе называютъ «магіей», «теургіей»; если же довести этотъ рядъ до конца, то получится нашъ крайній антиподъ, противоположно-подобный двойникъ — противоположный въ путяхъ, подобный въ дѣли — въ безконечной власти надъ природою, — та совершенно-органическая, «магическая» культура, которую миѡвъ Платона называетъ «Атлантидой».

Судя по исполинскому зодчеству Атлантовъ, о которомъ сообщаетъ Платонъ, «механика» ихъ была не менѣе, а можетъ быть и болѣе совершенна, чѣмъ наша; судя по нашей религіи, христіанству, интуиція наша не менѣе, а можетъ быть и болѣе глубока, чѣмъ интуиція Атлантовъ. Въ чемъ же наша разница съ ними? Въ волѣ, въ сознаніи: мы только и дѣлаемъ, что подчиняемъ нашу интуицію механикѣ, — покрываемъ наше ночное сознаніе дневнымъ; Атланты наоборотъ, свое дневное сознаніе покрываютъ ночнымъ, свою механику подчиняютъ магіи; для насъ механика — крылья, для нихъ тяжесть, которую поднимаютъ они на крыльяхъ магіи.

XII

Меньше всего Платону можно говорить о магіи, теургіи — душѣ мистеріи, чьи тайны для него хранимы не только человѣческимъ, но и болѣе грознымъ судомъ.

Магію скрываетъ онъ подъ математикой: холодно, сухо, почти скучно, описываетъ страну Атлантовъ, но съ такою точностью, что, по этимъ описаніямъ, можно бы составить карту Атлантиды. Математическою точностью онъ, можетъ быть, хочетъ насъ увѣрить въ дѣйствительности того, что описываетъ; но это плохо ему удастся: миѡомъ пахнетъ отъ его математики.

Говоря о каналахъ, соединяющихъ столицу Атлантовъ съ моремъ, сообщаетъ: «ширина ихъ въ три плѣтра, глубина во сто футовъ, длина въ пятьдесятъ стадій»; и о вѣшнихъ, окружающихъ внутренней островъ съ Акрополемъ, концентрическихъ кольцахъ-островахъ, выведенныхъ самимъ богомъ, правильно, какъ по циркулю: въ первомъ, самомъ большемъ кольцѣ, водяной ровъ и земляной валъ

имѣли въ ширину три стадіа, во второмъ — двѣ, въ третьемъ — одну. «Одинъ, два, три», — та же игра пифагорейскихъ чиселъ и здѣсь, какъ въ началѣ бесѣды; въ числахъ земныхъ — небесная «музыка сферъ». Эти концентрическія кольца острововъ — земные круги — можетъ быть, изображаютъ круговороты свѣтилъ, ибо Атласу «вѣдомы всѣ глубины», не только Океана, но и неба.

«Атласъ (человѣкъ, первый царь Атлантовъ) постигъ и открылъ людямъ движеніе небесныхъ свѣтилъ, отчего и произошло сказаніе, будто бы онъ держитъ небо на плечахъ», сообщаетъ Діодоръ.

Можетъ быть, чертя магическіе круги на землѣ — кольца острововъ и каналовъ, онъ учитъ Атлантовъ небесной механикѣ-магін.

ХІІІ

Такъ въ ледяныхъ кристаллахъ геометріи закипаетъ у Платона огненное вино мистеріи; проступаетъ сквозь математику страшно-огромный сонъ самого титана, небодержца Атласа.

Сѣтъ исполинскихъ, оросительныхъ и судоходныхъ каналовъ, пересѣкающихъ вдоль и поперекъ великую равнину за Городомъ, напоминаеть «систему каналовъ» на планетѣ Марсѣ. «Трудно повѣрить, чтобы онъ могъ быть созданъ челоѣческихъ рукъ», говоритъ Платонъ о самомъ большемъ изъ нихъ, въ 10.000 стадій длины, котормъ обведена вся равнина.

Столь же неимовѣрны циклопическія стѣны городскихъ валовъ и Акрополя — одна, обитая мѣдью, другая — оловомъ, третья — орихалкомъ, *oreichalkos*, «горною мѣдью» съ огневидными жилками, *marmorygas pyrôdeis*, можетъ быть, особымъ, атлантическимъ, исчезнувшимъ потомъ изъ природы, металломъ — не первымъ ли Веществомъ въ состояніи «магическомъ»? Неимовѣрны мосты съ крѣпостными воротами и башнями, перекинутые черезъ каналы на такой высотѣ, что самыя большія триремы проходятъ подъ ними, не опуская мачтъ. Неимовѣрны прорытые сквозь земляныя насыпи окружныхъ валовъ подземные каналы и вырубленные въ толщѣ скалъ, въ бывшихъ каменоломняхъ, подземныя, для цѣлыхъ флотовъ, гавани — свѣтомъ какихъ искусственныхъ солнць освѣ-

щенные? Неимовѣрны титаническія верфи, орудійные заводы, арсеналы, казармы, ристалища, водопроводы, бани, школы, дворцы, сады, священныя роши съ «деревьями красоты и высоты божественной, *daimonion*»; и царственная тишина Акрополя, гдѣ живетъ царь Атлантиды, сынъ Атласа, «человѣкъ-богъ»; и въ торговой части города, съ домами изъ бѣлаго, чернаго и краснаго камня, въ тѣсныхъ улицахъ надъ главною гаванью, переполненною кораблями со всѣхъ концовъ міра, отъ Гипербореи до Африки, — оглушительный грохотъ, скрежетъ, лязгъ мѣдныхъ машинъ — мѣдь Атлантовъ крѣпче стали — и въ многоязычной толпѣ, «несмолкаемый ни днемъ, ни ночью гулъ голосовъ».

Все это такъ живо, что кажется, Платонъ видѣлъ это самъ на яву или въ пророческомъ снѣ:

Болѣзненно-яркій, волшебнo-нѣмой,
Онъ вѣялъ легко надъ гремящею тьмой.
Въ лучахъ огневицы развилъ онъ свой міръ;
Земля зеленѣла, свѣтился эфиръ...
Сады, лабиринты, чертоги, столпы...
И чудился шорохъ несмѣтной толпы.
Я много узналъ мнѣ невѣдомыхъ лицъ,
Зрѣлъ тварсей волшебныхъ, таинственныхъ птицъ.
По высямъ творенья я гордо шагалъ,
И міръ подо мною недвижно сіялъ...
Сквозь грёзы, какъ дикій волшебника вой,
Лишь слышался грохотъ пучины морской, —

Атласа-волшебника или Атлантики вой.

И въ тихую область видѣній и сновъ
Врывалася пѣна ревущихъ валовъ.

Одинъ изъ валовъ и смететь Атлантиду, какъ сонъ:
«кто ее создалъ, тотъ и разрушилъ».

XIV

Но пока еще Островъ Блаженныхъ «озаряется солнцемъ». Солнце Атлантиды -- магическое дѣйствіе — таинство.

«Разъ въ пять или шесть лѣтъ, соблюдая четъ и нечетъ (опять игра пифагорейскихъ чиселъ) — десять царей Атлантиды сходились въ Посейдоновомъ храмѣ, гдѣ воздвигнуть былъ орихалковый столбъ съ письменами закона, чтобы совѣщаться о дѣлахъ правленія, а также испытывать другъ друга, не преступилъ ли кто изъ нихъ закона, и, если преступилъ, того судить. «Но до суда клялись они другъ другу въ вѣрности такъ: вышустивъ на волю Посейдоновыхъ быковъ изъ ограды святилища и оставшись одни, молили бога, чтобы далъ имъ изловить ему угодную жертву, выходили на ловъ безъ желѣза, съ одними сѣтями и колями; изловивъ же быка, приводили его къ столбу и закалывали на самыхъ письменахъ закона. Была же на столбѣ, кромѣ закона, и великая на послушниковъ клятва. Освятивъ всѣ жертвенныя части быка и очистивъ столбъ отъ крови, наполняли ею кратеръ и окропляли другъ друга, все же остальное сжигали въ огнѣ. Послѣ того, черная золотыми фіалами кровь изъ кратера и возливая ее на огонь, клялись судить по начертанному на столбѣ закону, кто преступитъ его, — того казнить, самимъ же вольно не преступать ни въ чемъ, не властвовать, ни подчиняться власти ничьей, кромѣ того, кто хранить отчій законъ. Въ этомъ каждый клялся за себя и за свой родъ. И пили кровь, и посвящали фіалы въ даръ богу».

«Послѣ же вечери, все совершивъ, когда уже смеркалось, и жаръ углей остывалъ на жертвенникѣ, всѣ облакались въ прекраснѣйшія, темносинія, какъ синева Океана, одежды *kyanên stolên* и, потушивъ всѣ огни во святилищѣ, садились на пепель жертвы и, во мракѣ ночи, судили и были судимы, если кто что преступилъ. Когда же свѣтало, записывали судъ и приговоръ на золотой доскѣ и посвящали ее вмѣстѣ съ одеждами богу».

«Много и другихъ законовъ было у нихъ, главный же и святѣйшій — никогда не подымать другъ на друга оружія и помогать другъ другу во всемъ... войну и другія дѣла рѣшать по общему согласью, какъ рѣшали отцы ихъ, отдавая всегда верховную власть Атлантову роду».

XV

«Пили кровь» закланной жертвы, — что это значить, поняли бы всё посвященные въ Діонисовы таинства. Главное въ нихъ — о м о ф а г і я, вкушеніе отъ сырого жертвеннаго мяса, какъ отъ божеской плоти и крови, ибо теургическая сила таинства заключается въ «преосуществленіи» заколаемой жертвы въ плоть и кровь самого бога: вкушая отъ нихъ вакхи алкали «исполниться богомъ», сдѣлаться «богоодержимыми», *entheoi*. Омофагія есть теофагія — «боговкушеніе».

Поняли бы, что это значить, и всё, посвященные въ таинства Озириса, Таммуза, Адониса, Аттиса, Митры, — всѣхъ страдающихъ боговъ.

«Бога должно заклать», читаемъ мы на одной шумерійской глиняной дощечкѣ бездонной древности — можетъ быть, то самое, что на орихалковомъ столбѣ Атлантиды. Кажется, той же древности миѳъ сообщаетъ Бэрозъ, вавилонскій жрецъ III вѣка до Р. Х.: «видя, что земля плодородна и необитаема, Бэль (богъ солнца) отрубилъ себѣ голову, и прочіе боги, смѣшавъ текущую кровь съ землею, выльпили человѣковъ; потому и обладаютъ они разумомъ и естеству боговъ причастны».

Въ книгѣ Бытія, Богъ создастъ человѣка изъ «красной глины», *afar*, лѣпитъ его, какъ горшечникъ глину. Можетъ быть, земля — «красная», потому что смѣшана тоже съ кровью, но чьею, здѣсь уже не сказано.

Древній, шумерійскій подлинникъ вавилонскаго миѳа о твореніи міра, *enûma elis*, подтверждаетъ сказаніе Бэроза:

Боги призвали богиню,
Мудрую Мами, Помощницу:
«Ты, единая плоть материнская,
«Можешь создать человѣковъ,
«Да иго боговъ понесутъ».
Открываетъ уста свои Мами,
Великимъ богамъ говорить:
«Я одна не могу»...

Далѣе клинопись стерта, только въ концѣ можно прочесть:

Открываетъ уста свои Эа,
 Великимъ богамъ говорить:
 «Бога должно заклатъ...
 «Съ божеской плотью и кровью
 «Мами глину смѣсить...»

Эа, человѣколюбецъ, отецъ Таммуза Страдальца, -- тотъ же Атласъ: оба, выходя изъ Океана, открываютъ людямъ тайны боговъ, — и эту, еще богамъ неизвѣстную, главную тайну: страдать — любить; *l'ado* — страдаю — корень имени «Атласъ» — всей Атлантиды корень.

XVI

Вотъ какимъ солнцемъ озаряется Островъ Блаженныхъ; вотъ какой «механикой-магіей» держитъ Атласъ на могучихъ плечахъ, какъ легкое бремя,

громаду
 Длинно-огромныхъ столбовъ, раздвигающихъ небо
 и землю,

землю и небо соединяющихъ; вотъ на какой оси движется мѣръ:

Любовь, что движетъ солнце и другія звѣзды,
 Amor che move il sol e l'altre stelle,

по слову Данте — Виргилия — Орфея, сходящихъ въ Адъ, къ тѣмъ самымъ «корнямъ земли», къ которымъ сходилъ и древній титанъ, небодержецъ Атласъ.

Если эта «бѣлая магія» сдѣлается «черною», то мировая ось поколеблется, небо рухнетъ на землю, и «конецъ землѣ, конецъ всему». Это знаетъ Платонъ и этого боится такъ, что языкъ прилипаетъ къ гортани: «пили», говорить, но не смѣетъ сказать «кровь», что, впрочемъ, понятно и такъ: пьютъ изъ тѣхъ самыхъ фіаловъ, которыми черпали только что кровь изъ кратэра.

XVII

Страшно Платону — страшно и намъ: хотимъ не хотимъ, мы не можемъ не видѣть, что жертвенный быкъ Атлантиды — первая тѣнь Агнца, закланнаго отъ созданія міра. Громы Атлантики отвѣчаютъ громамъ Евхаристіи:

Да молчитъ всякая плоть человѣча
и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ,
Царь бо царствующихъ
и Господь господствующихъ
приходитъ заклатися
и датися въ снѣдь вѣрнымъ.

А если намъ уже не страшно, то это, можетъ быть, еще страшнѣе: значить, ось міра уже колеблется на плечахъ и нашего Атласа, солнце уже и надъ нашей Атлантидой меркнетъ, черною становится и наша бѣлая магія.

КРЕСТЬ ВЪ АТЛАНТИДѢ.

I

Богъ Кветцалькоатль, тотъ самый, что изображается на древне-мексиканскихъ рисункахъ небодержцемъ Атласомъ, родился человѣкомъ, смертнымъ отъ смертной, чтобы спасти людей. Богъ — человѣкъ; воистину, богъ, и человѣкъ, воистину: таковъ главный догматъ новой или древней, вѣчной, только забытой, религіи.

Въ Агуанакъ, Страну Озеръ, на Мексиканскомъ плоскогорьи Нижнихъ Кордильеръ, — колыбель всѣхъ древнихъ американскихъ племенъ -- «людей Умирающаго Свѣта», приходитъ Кветцалькоатль изъ страны Свѣта Воскресающаго, Тлапаллана (Tlapallan), гдѣ-то на востокъ, за Океаномъ, можетъ быть, на материкѣ, лежащемъ между двумя Свѣтами -- Новымъ и Старымъ.

Вождь, пророкъ и законодатель Тольтекскаго племени, въ священномъ городѣ *Tulla*, онъ учитъ людей всѣмъ наукамъ, искусствамъ и промысламъ, какъ титанъ Прометей и древне-вавилонскій богъ-рыба, Оаннесъ, выходящій тоже изъ Океана. Люди любятъ его, потому что онъ любить ихъ самъ. *Itzamli* — имя его въ царствѣ Мач. «Итцамна -- Звѣзда Утренняя, Роса Небесная. Онъ всѣхъ насъ любилъ: лейтесь же слезы, какъ дождь, изъ очей при имени его святомъ!» сказано въ Паленкской надписи.

Какъ любятъ его, видно по тому, какъ помнятъ: помнятъ, что онъ похожъ былъ на пришельца изъ чужой земли, бѣлъ лицомъ среди краснокожихъ, боролатъ, среди безбородыхъ; помнятъ бѣлую одежду его и даже тонкій узоръ на ней — «красные, по бѣлому полю, крестики», и высокую, какъ бы царскую, тиару на головѣ, и грубую, какъ у бѣднаго странника, обувь; помнятъ голосъ его, го тихій, какъ щебетъ колибри, то грозный, какъ шумъ океана, и глаза, такіе свѣтлые, что въ нихъ страшно было смотрѣть.

Сердцемъ былъ чистъ, какъ дитя; женщинъ не зналъ, самъ похожъ на женщину-дѣвушку, несмотря на длинную, какъ у Атласа, бороду; подобно Діонису, Адонису, Таммузу, Аттису, Митрѣ, — всѣмъ страдающимъ богамъ мистерій, соединялъ въ себѣ двѣ природы, мужскую и женскую.

II

«Нагого одѣнь, голоднаго накорми; помни, плоть ихъ подобна твоей, люди и они такіе же, какъ ты; слабago люби, потому что и онъ -- образъ Божій», учитъ Кветцалькоатль.

«Слабago да не обидитъ сильный», какъ будто отвѣчаетъ пророку тольтекскому вавилонскій царь Гаммураби, законодатель, жившій за тысячу лѣтъ до Моисея. — «Тому, кто сдѣлалъ зло тебѣ, плати добромъ», отвѣчаетъ шумерійская, можетъ быть, еще древнѣйшая, клинописи, какъ бы нагорная проповѣдь до Авраама: «прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь».

III

Богу любви учить Кветцалькоатль приносить не кровавыя жертвы, животныя и человѣческія, а оѳиміамъ, цвѣты и плоды, молитвы и чистое сердце.

Дикимъ людямъ Орфей, святой боговъ прорицатель,
Ужась внушилъ къ убійствамъ и мерзостной пищѣ.
Silvestros homines sacer interpresque deorum,
Cacdibus et victo foedo deterruit Orpheus,

это можно бы сказать и о тольтекскомъ пророкѣ.

«Если же хочешь принести Богу человѣческую жертву, будь ею самъ, себя самого принести въ жертву, а не другого, плоть и кровь свою, а не чужую», учить Кветцалькоатль. Кажется, и ножъ Авраама, занесенный надъ Исаакомъ, не святѣе этого.

IV

Вѣчный миръ, конецъ всѣхъ войнъ, возвѣщаль людямъ пророкъ. «Когда же говорили ему о войнѣ, онъ затыкалъ уши». Люди и это запомнили и хорошо сдѣлали: стоять человѣческой памяти больше многого, что сохранилось въ ней, эти заткнутыя уши Кветцалькоатля Мирнаго. «Онъ всѣхъ насъ любилъ; лейтесь же, слезы, какъ дождь, изъ очей, при имени его святомъ!»

V

Въ древнемъ городѣ Тулла, наступилъ золотой вѣкъ, земной рай, потому что иного рая на землѣ и не будетъ, кроме этого, — вѣчнаго мира.

Но счастье длилось недолго. Богъ войны Витцилопохтль, видя, что царству его приходитъ конецъ, сошелъ на землю, чтобы сразиться съ Кветцалькоатлемъ.

Въ ярмарочный день собралась на площади толпа. Въ серединѣ ея, старичокъ, неизвѣстно откуда взявшійся, дер-

жа на ладони восковую куколку въ видѣ скѣмороха-пласуна, забормоталъ себѣ что-то подъ носъ, и куколка начала плясать, какъ живая, — можетъ быть, просто заводилась машинкою. Что тогда произошло въ толпѣ, никто хорошенько не помнитъ: люди точно вдругъ осатанѣли отъ чуда, ринулись впередъ, чтобы лучше видѣть его, напирая, давя и толча другъ друга такъ, что, когда представленіе кончилось, вся площадь залита была кровью и усѣяна тѣлами убитыхъ, какъ поле сраженія. Надо было убить старичка, — и убивали, но онъ все оживалъ. Поняли, наконецъ, что это колдунъ, посланецъ бога Вицилопохтля, а можетъ быть, и онъ самъ, и покорились. А колдунъ продолжалъ морочить людей черной магіей или механикой, убѣждая ихъ, въ чемъ легко убѣдить, — что широкій путь лучше узкаго: жертвовать надо не собой, а другимъ, платить за зло не добромъ, а зломъ, не щадить, а убивать врага на войнѣ, — такъ Богъ велѣлъ, а кто противъ Бога, тотъ съ дьяволомъ, какъ этотъ обманщикъ, Кветцалькоатль, морочащій ихъ дьявольскимъ морокомъ; если они его не прогонятъ, то онъ погубитъ ихъ всѣхъ. И люди колдуну повѣрили больше, чѣмъ пророку, такъ же естественно, какъ вода течетъ внизъ, и заводная куколка движется. Кветцалькоатля не изгнали, не убили, а только забыли, ушли отъ него. И онъ ушелъ отъ нихъ туда, откуда пришелъ, — въ Тлапалланъ, страну Восходящаго Солнца, за Океаномъ.

Бога мира побѣдилъ богъ войны, и все пошло по старому — вѣчному: снова началась война, полилась кровь человѣческихъ жертвъ, и будетъ литься, пока Ушедшій не вернется. Люди сначала забыли его, но потомъ вспомнили, что онъ сказалъ, уходя: «я къ вамъ вернусь!» И ждали его, вѣрили, что онъ снова придетъ. Вотъ почему, когда увидѣли бѣлыхъ, бородатыхъ людей, Колумбовыхъ спутниковъ, то подумали, что это отъ него, Ушедшаго, вѣстники — существа «богоподобныя», *teul*, — «люди-боги», *andres theioi*, сказалъ бы Платонъ, «сыны Божіи», *ben elohim*, сказалъ бы Енохъ.

Когда же христіанская сволочь Фернандо Кортеса начала ихъ грабить, убивать и жечь на кострахъ Святѣйшей Инквизиціи, то поняли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и можетъ быть, ужаснулись христіанскому кресту не менѣе, чѣмъ христіане ужасались ихъ крестамъ, языческимъ.

VI

Атланствомъ можно бы назвать религію Кветцалькоатля-Атласа, по древнему корню этихъ двухъ именъ: *atl*, - можетъ быть, всей Атлантиды корню.

Что «атланство» здѣсь, на древнемъ Западѣ, то «христіанство до Христа» въ языческихъ мистеріяхъ страдающаго бога-человѣка, на древнемъ Востокѣ. Тайна Востока и Запада — Крестъ. Можетъ ли быть Крестъ до Голгоѣы? Для маловѣрныхъ тутъ «соблазнъ креста», тотъ самый, о которомъ говоритъ Павелъ: «мы проповѣдуемъ Христа распятаго, для Иудеевъ соблазнъ, а для Эллиновъ безуміе». О, конечно, для некрещенныхъ или отъ креста отступившихъ, крестъ и на Голгоѣѣ такъ же мало значить, какъ на Юкатанѣ: тамъ позорное орудье римской пытки, здѣсь — магическій знакъ дождя или солнца. Но знающіе знаютъ: Словомъ, на крестѣ распятымъ, сотворена вся тварь, — какъ же ей не быть запечатлѣнной Крестомъ? Вотъ почему въ двухъ мірахъ — погибающемъ и спасаемомъ, въ Атлантидѣ и въ Исторіи — одинъ и тотъ же Крестъ.

VII

Ангелы Апокалипсиса говорятъ голосами громовъ небесныхъ, а Кветцалькоатль Тишайшій заимствуетъ голосъ подземныхъ громовъ у «Ревущей Горы», *Tzalzi-tepetl*, — вулкана въ изверженіи. Что это значить? Островъ Ацтланъ погибъ отъ воды и огня — вулканическихъ силъ. Чтобы спасти людей отъ второй Атлантиды, Кветцалькоатль напоминаетъ имъ первую, ся же громами: «если не покается, всѣ такъ же погибнете».

Можетъ быть, и страна Восходящаго Солнца, Тлапалланъ, материкъ или островъ за Океаномъ, куда уходитъ и откуда снова придетъ страдающій богъ-человѣкъ, Кветцалькоатль-Атласъ, есть не что иное, какъ Ацтланъ — Атлантида.

Это и значить: чѣмъ была и отчего погибла Атлантида первая, мы можемъ судить по второй, — Атлантидѣ-Америкѣ.

VIII

Что произошло въ Странѣ Озеръ, Анагуакъ, незапамятно-древней колыбели всѣхъ американскихъ племенъ, — какой геологическій переворотъ, изверженіе одного или многихъ вулкановъ, Ревущихъ Горъ, — малая «Атлантида», повтореніе большой, — мы не знаемъ, но знаемъ, что единственно-общая всѣмъ древне-американскимъ племенамъ, мистерія-миѳъ о страдающемъ богѣ Кветцалькоатль связываетъ этотъ геологическій переворотъ съ переворотомъ духовнымъ — съ какой-то побѣдой одной религіи-магіи надъ другой, «черной» — надъ «бѣлою».

Такъ же точно связываетъ ихъ вавилонское сказанье о потопѣ — клинопись III-го тысячелѣтья, кажется, повторяющая подлинникъ неизмѣримо-большой древности, V-VI-го тысячелѣтья; связываетъ ихъ и бытіе Моисеево, и Апокалипсисъ Еноха, и египетскій миѳъ у Платона. Азія, Африка, Европа, Америка говорятъ о погибшемъ чело-вѣчествѣ одно и то же: гибель его была не только физической, но и духовной.

IX

Чтобы не выпасть изъ миѳа-исторіи въ голый миѳъ, какъ это часто бываетъ, когда рѣчь идетъ объ Атлантидѣ, надо говорить о ней очень условно, не уставая повторять «если».

Если въ концѣ Ледниковаго періода, въ Атлантическомъ океанѣ, существовалъ какой-то огромный островъ-материкъ, и если онъ погибъ отъ одного внезапнаго или многихъ постепенныхъ, геологическихъ переворотовъ, какъ это подтверждается памятью земли и всей земной твари, то, вѣроятно, физическая гибель эта была не случайной, безсмысленной, а предрѣшенной чѣмъ-то въ самихъ гибнущихъ, -- казнью за что-то.

X

Что погубило Атлантиду? Это мы могли бы понять, если бы поняли, что столь напугавшее Колумбовыхъ спутниковъ множество древне-мексиканскихъ крестовъ связа-

но религіозно-дѣйствительною, нерасторжимою связью съ нашимъ христіанскимъ Крестомъ.

Явленъ былъ Крестъ, орудье спасенія, но люди сдѣлали его орудьемъ гибели; свѣтъ былъ показанъ во тьмѣ, но люди возлюбили тьму больше свѣта; противоядіе было дано, но люди выбрали ядь.

Участь Бенъ-Элогимовъ (въ «Книгѣ Еноха») постигла и Атлантовъ: «вы были на небѣ, но вамъ еще не были открыты всѣ тайны небесъ; только тщетную тайну познали вы... и умножили ею зло на землѣ», — крайнее зло, неземное, какового еще не было въ нашемъ второмъ человѣчествѣ и не будетъ до конца міра.

Явленъ Крестъ и поруганъ. «Такъ надругаться надъ Крестомъ Господнимъ могъ только дьяволь», въ этомъ простодушномъ ужасѣ Колумбовыхъ спутниковъ что-то вѣрно угадано.

Какъ бы весь міръ сошелъ съ ума, но не похожъ въ безумьи на того бѣсноватаго, который бьется съ пѣною у рта, у ногъ Господнихъ, и можетъ быть исцѣленъ; нѣтъ, холодно, спокойно, безстрашно, какъ бы разумно, безумствуетъ міръ; людямъ кажется на самомъ краю гибели, что они достигли вершины мудрости, знанія, силы, величья, красоты; «всепрекрасными», «всеблаженными», — «людьми-богами», по слову Платона считаютъ себя эти несчастные. Богомъ считаетъ себя каждый изъ нихъ и готовъ принести въ жертву себѣ одному всѣхъ.

Эта великая «культура демоновъ» блудница сладострастно-кровавая подъ знаменемъ Креста, — какъ бы «черная обѣдня», сатанинскій шабашъ, справляемый не кучкой людей во мракѣ ночи, а цѣлымъ народомъ или даже всѣми народами -- всѣмъ человѣчествомъ.

Чтобы скрыть этотъ ужасъ и мерзость отъ лица Божьяго, нужны были всѣ воды Атлантики.

XI

Что погубило Атлантиду? Можно бы отвѣтить на этотъ вопросъ однимъ словомъ, самымъ для насъ понятнымъ и близкимъ, вчерашнимъ и, можетъ быть, завтрашнимъ. Стоитъ только поднять глаза, чтобы на грозно-черномъ и все чернѣющемъ, грознѣющемъ небѣ нашей, второй, Атлантиды — Европы прочесть это слово, написанное огненными буквами: **В о й н а**.

XII

«Миръ или война?» рѣшаютъ десять царей Атлантиды, бога-жертву зажавъ, божьей крови испивъ, сидя на стынущемъ пеплѣ жертвы, въ Посейдоновомъ святилищѣ, гдѣ всѣ огни потушены, и только рдѣнный отблескъ отъ углей на жертвенникѣ да звѣздный свѣтъ мерцаютъ на орихалковомъ столбѣ Закона. «Миръ или война?» рѣшаютъ они судьбы двухъ челоѣчествъ, своего и нашего. Рѣшили: «война». Но, если былъ среди безумныхъ мудрый, онъ зналъ, сидя на стынущемъ пеплѣ жертвы, что вся Атлантида будетъ пепломъ и жертвой.

XIII

«Въ мирѣ конца не будетъ войнѣ», по Сибиллиному пророчеству, и по древне-вавилонскому: «всѣ будутъ убивать другъ друга».

Въ мирѣ жить, «никогда не подымать другъ на друга оружья» — главный законъ, самимъ Богомъ начертанный не только на орихалковомъ столбѣ Закона, но и въ сердцахъ челоѣческихъ, люди нарушили: вѣчный миръ кончили, начали вѣчную войну, — вотъ преступленіе Атлантовъ.

XIV

«Пили кровь», говоритъ Платонъ объ Атлантахъ; «пили кровь», говоритъ Енохъ о Нефелимахъ. Божью кровь пили, божью плотъ ѣли, а потомъ, истребляя, пожирая другъ друга, будутъ ѣсть свою собственную плотъ, пить свою собственную кровь. Бѣлая магія сдѣлается черною, солнце померкнетъ, ось міра поколеблется, небо упадетъ на землю, и «конецъ землѣ, конецъ всему».

«Я разрушу, что создалъ; потоплю землю, и земля снова будетъ водою», этотъ приговоръ египетскаго бога Ату-ма, можетъ быть, написанъ былъ въ Саисскомъ святилищѣ, рядомъ съ мифомъ-исторіей о концѣ Атлантиды.

XV

«Старья, глупья сказки! Какое намъ дѣло до нихъ -- до всѣхъ Содомовъ и Гоморрь, погибшихъ великихъ культуръ -- малыхъ Атлантидъ? Развѣ мы такіе?» говоритъ объ этихъ язычникахъ наша «христіанская», объ этихъ грѣшникахъ -- наша «святая» Европа.

«Буду чуть слышнымъ шопотомъ жизни я, жизнь всемогущая, -- говоритъ царица Майя въ Паленкской надписи. -- Позднихъ вѣковъ пришелецъ, хочешь ли узнать, кто мы? Спроси о томъ зарю, спроси лѣса, бурю спроси, спроси Океанъ, спроси любовь; узнаешь: мы -- Земля». Земля, до неба вознесенная, до ада низвергнутая. Будемъ же помнить: прежде чѣмъ сдѣлаться адомъ, земля была или казалась раемъ. Сколько тысячелѣтій, прежде чѣмъ начать войну, Атлантида хранила миръ, сколько золотыхъ вѣковъ озаряло солнце мира! Люди пали такъ низко, потому что были на такой высотѣ. Такъ ли мы о себѣ увѣрены, что наша высота большая, и что намъ съ нея трудно упасть?

Будемъ помнить, что нашъ христіанскій Крестъ, можетъ быть, болѣе поруганъ, чѣмъ тѣ, древне-мексиканскіе, и что Святѣйшая Инквизиція, тутъ же, въ Мексикѣ, принесшая столько человѣческихъ жертвъ подъ знаменемъ Креста Господня, -- изъ этихъ поруганій не наибольшее.

XVI

Чѣмъ была религія Атлантовъ, намъ такъ же трудно судить по «атланскимъ» обломкамъ ея, какъ, не зная Евангелія, трудно судить о христіанствѣ по рассказамъ неокрещенныхъ дикарей-людоѣдовъ.

Бога своего назвать не умѣютъ по-человѣчески, -- какъ птицы щебечуть «Кветцалькоатль», но помнить то, что мы уже почти забыли: Богъ есть миръ; для того и родился человѣкъ, чтобы возвѣстить миръ людямъ, въ темныхъ сердцахъ человѣческихъ взойти Звѣздой Утреннею, пасть на нихъ Рососою Небесною.

Помнить, что Богъ есть Духъ: самое святое, тайное имя Кветцалькоатля -- *Ehekatl* -- Вѣтеръ, Дыханіе, Духъ;

помнятъ, что второе пришествіе его будетъ царствомъ Духа.

Помнятъ, что природа человѣка божественна: «боги испугались, что создали человѣка слишкомъ совершеннымъ, и наложили на духъ его облако — лицо», — смертное лицо Адама.

Помнятъ, что Кветцалькоатль родился человѣкомъ во истину, смертнымъ отъ смертной, но былъ уже до созданія міра: «въ началѣ было море, — ни человѣка, ни звѣря, ни птицы, ни злака, и Пернатый Змѣй, Жизнедавецъ, ползъ по водѣ, какъ рдяный свѣтъ». ... «Духъ Божій носился надъ водою», — рѣялъ голубемъ: такъ въ Бытіи мисеевомъ, а въ древне-тольтекскомъ, — образъ Кветцалькоатля — «Змѣй Пернатый» съ лицомъ человѣка — «Птица-Змѣй», *Kukulkan*. Это значитъ: въ богѣ-человѣкѣ — два естества, — земное и небесное: птица въ небѣ, змѣй въ землѣ; мудръ, какъ змѣй, простъ, какъ голубь. Кветцалькоатль — свившійся въ кольца, спящій Змѣй, какимъ онъ изображается въ безчисленныхъ изваяніяхъ: спитъ, но прснуется; ушелъ, но придетъ.

Змѣй для насъ дьяволъ. Что же значитъ: «какъ Моисей вознесъ змѣя въ пустынѣ, такъ должно вознесену быть Сыну Человѣческому»? Мы и это забыли, а они помнятъ: въ древне-тольтекскомъ рисункѣ райское Дерево Жизни, *Tamoachan*, съ надломленнымъ по-серединѣ стволемъ, источающимъ кровь, обвиваетъ кольцами Змѣй съ лицомъ Мужеженщины, *arsénothêlys*, какъ опредѣляютъ Гностики-Офиты существо «второго Адама», «Сына Человѣческаго».

XVII

«Мѣднаго Змѣя» на крестѣ какъ будто предчувствуютъ теотигуанакскіе ваятели, сплетая кольца базальтовыхъ змѣй въ подобія крестовъ.

Надо было сдѣлать выборъ между двумя Змѣями — губящимъ, на Древі Познанія, и спасающимъ, на Древі Жизни; выбора сдѣлать не сумѣли Атланты и погибли. Сумѣемъ ли мы? Наше бывшее христіанство — уже почти «атланство» — умирающій свѣтъ Атлантиды. Это очень страшно — страшно, какъ то «зерцало гаданій», о которомъ говоритъ апостолъ Павелъ. Чье лицо въ зеркалѣ? Вглядываемся и узнаемъ себя — Атлантиду-Европу.

XVIII

Жуткое чувство воспоминанья-узнаванья,
безконечно-далекаго-близкаго:

Все это ужъ было когда-то,
Но только не помню, когда...

египетскій *nem-masu*, «повтореніе бывшаго», орфическій *apokatastasis*, «возстановленіе бывшаго», — смутное, какъ бы сонное, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень ясное, трансцендентно-физическое чувство «дурной безконечности» овладѣваетъ нами, по мѣрѣ того, какъ мы узнаемъ — вспоминаемъ Атлантиду.

Все это ужъ было когда-то...

Былъ и Онъ? Нѣтъ, Сынъ Человѣческой былъ только разъ на землѣ, а это лишь тѣнь Его, простирающаяся отъ начала міра до конца. Если же мы смѣшиваемъ Тѣло съ тѣнью, то, можетъ быть, потому, что мы сами уже только тѣнь.

XIX

Все это ужъ было когда-то...

«Миръ или война?» снова будутъ рѣшать десять царей Атлантиды, сидя на жертвенномъ пеплѣ, во святилищѣ, гдѣ всѣ огни потушены; снова рѣшать: «война», и снова мудрый среди безумныхъ у з н а е т ъ — в с п о м н и т ь, что вся Атлантида-Европа будетъ пепломъ и жертвой.

XX

Очень далеко отъ насъ Атлантида, если очень далеко война, а если война, то и Атлантида очень близко.

XXI

Мы не такіе, какъ Атланты? Нѣтъ, такіе же.

Когда Фернандо Кортесъ, готовясь принести двѣнадцать милліоновъ человѣческихъ жертвъ для завоеванія Мексики, стыдилъ ея послѣдняго царя, Монтезуму, человѣческими жертвами, тотъ ему отвѣчалъ:

— «Вы, христіане, на войнѣ дѣлаете то же самое!»

Такъ могла бы отвѣтить и Атлантида грѣшная «святой» Европѣ. Если же есть разница, то едва ли въ нашу пользу. Судя по ученикамъ своимъ въ древней Америкѣ, Атланты приносили въ жертву только враговъ своихъ — военно-плѣнныхъ; мы же — враговъ и друзей, чужихъ и своихъ, потому что наша вторая всемірная война, международная, тотчасъ же обернется гражданской, убійство — братоубійствомъ. «И приносили сыновей своихъ и дочерей своихъ въ жертву бѣсамъ; проливали кровь неповинную... и осквернилась земля кровью».

Все это ужъ было когда-то,
Но только не помню, когда, —

тысячу или десять тысячъ или десять лѣтъ назадъ? Было вчера — будетъ завтра.

XXII

И еще разница: тѣ приносили человѣческія жертвы богу-дьяволу, а мы — себѣ, потому что каждый изъ насъ — самъ себѣ Богъ. Но выводъ изъ обѣихъ религій одинъ:

Жертвы падаютъ здѣсь,
Не волъ, не овца,
А люди, люди безъ конца.
*Opfer fallen hier,
Weder Lamm noch Stier,
Aber Menschenopfer unerhört.*

Вѣчная война — война всѣхъ противъ всѣхъ, до послѣдней четы братоубійць Кайновъ.

XXIII

Чѣмъ же мы лучше тѣхъ жалкихъ и страшныхъ атлантическихъ вырожденъ, сладострастно-жестокихъ пауковъ Анагуакскихъ? Можетъ быть, не лучше, а хуже, потому что намъ больше было дано и спастись было легче: наше противоядіе было сильнѣе, нашъ свѣтъ ярче. Но солнца такъ же не захотѣли и мы, какъ люди Умирающаго Свѣта, лунные титаны; такъ же, какъ Атланты, мы считаемъ себя въ безумьи мудрыми, въ слѣпотѣ — зрячими, «всеблаженными» — на краю гибели; та же и у насъ «культура демоновъ»; тотъ же будущій, а кое-гдѣ уже настоящій, «военный коммунизмъ» благополучныхъ Инка; тотъ же ядъ и въ нашихъ костяхъ — половая проказа, духовный сифилисъ; тотъ же путь къ той же цѣли — міровая война за міровое владычество; тѣ же человѣческія жертвы богу-дьяволу.

XXIV

Какъ же мы не видимъ, что бичъ Божій уже занесенъ, что наша Атлантида не гдѣ-то далеко, извнѣ, а близко, въ насъ самихъ; что сердце наше зрѣетъ для нея, — подъ страшнымъ солнцемъ, страшный плодъ Гесперидъ?

«Буду чуть слышнымъ шопотомъ жизни я, жизнь всемогущая», могла бы сказать и Европа, какъ древняя царица Майя.

XXV

Кажется, никогда еще такъ близко не заглядывало въ лицо будущему бывшее; никогда еще такъ не вопіяли древніе камни среди нѣмоты человѣческой: «было и будетъ!»

Слышитъ ли хоть кто-нибудь изъ насъ этотъ вопль? Понялъ ли хоть кто-нибудь, чему усмѣхается, глядя въ наши глаза пустыми глазницами, тотъ древне-мексиканскій черепъ изъ горнаго хрустала — прозрачный ужасъ; о чемъ плачетъ тотъ Маянскій сфинксъ — «Вечерняя Звѣзда», съ лицомъ дѣвы-отрока: судорогой слезъ опущены углы навѣки замолчавшихъ губъ, слезы какъ будто за-

стыли въ широко раскрытыхъ глазахъ, но не прольются — сохнутъ на сердцѣ, какъ вода на раскаленномъ камнѣ; или тотъ другой Копанскій сфинксъ — можетъ быть, самое тихое, мудрое и скорбное изъ всѣхъ человѣческихъ лицъ, — лицо того, кто видитъ гибель міра и знаетъ, что можно бы міръ спасти, но также знаетъ, что спасти нельзя, потому что міръ хочетъ погибнуть.

Слышитъ ли хоть кто-нибудь изъ насъ, что говорить этотъ погибшій братъ нашъ, Атлантъ: «если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете»?

СОШЕСТВІЕ ВЪ АДЪ.

I

Богъ есть Миръ, Богъ есть Война, — между этими двумя утвержденьями — такой же переворотъ духовный, какъ тотъ, геологическій, истребившій Атлантиду, гдѣ духовный предшествовалъ геологическому; Богъ, Жертва за человѣка, сдѣлался богомъ человѣческихъ жертвъ; «бѣлая магія» сдѣлалась «черною», солнце померкло, ось міра поколебалась, небо упало на землю, и «конецъ землѣ, конецъ всему».

II

Что такое «черная магія», мы могли бы знать, по собственному опыту. Что заставило вчера и заставить, можетъ быть, завтра десятки милліоновъ людей умирать, убивать другъ друга, въ двадцатомъ вѣкѣ по Р. Х., такъ же, какъ въ сотомъ до Р. Х.? Что заставляетъ сто двадцать милліоновъ людей въ Россіи мучиться столько лѣтъ подъ игомъ новыхъ Стражей, *phylakes* («Атлантида» Платона), Бдящихъ, *egrégoroi*? («Книга Еноха»). Что, если не колдовское «внушеніе», «усыпленіе», «гипнозъ» человѣка «дневного», *Homo Sapiens*; пробужденіе «ночного», *Homo Musteriensis*, — «черная магія»?

III

Двѣнадцать милліоновъ убитыхъ на войнѣ и сто двадцать милліоновъ мертвыхъ за-живо въ Россіи намъ такъ же ничего не говорятъ, какъ найденныя кости человѣческихъ жертвъ въ Ледниковыхъ стоянкахъ. Крестъ на челѣ Исторіи намъ такъ же ничего не говоритъ, какъ на челѣ Прѣисторіи.

IV

Наша механика становится «черною магіей» въ войнѣ — титаническомъ разрушеніи; черная магія Атлантовъ становится «механикой», сначала въ титаническомъ зодчествѣ, а затѣмъ, тоже въ войнѣ — разрушеніи.

Вспомнимъ Дедала, Крито-миносскаго — можетъ быть, Атлантскаго «мага-механика», творца трехъ чудесъ — Лабиринта, человѣческихъ крыльевъ и человѣка-автомата; вспомнимъ пляшущую заводную куколку на ладони стараго колдуна, посланнаго противъ бога мира, Кветцалькоатля, богомъ войны, Витцилопохтлемъ; вспомнимъ «икону Звѣря», *eikon tou thériou*, въ Апокалипсисѣ: «сдѣлала икону Звѣря... и говорила она и дѣйствовала такъ, чтобы убиваемъ былъ всякій, кто не поклонится ей».

Всѣ мы — жертвы этого исполинскаго Робота, Автомата войны — человѣкообразной и человѣкоубійственной «иконы Звѣря».

Всѣ мы блуждаемъ въ лабиринтѣ нашихъ великихъ родовъ, какъ Ледниковые праотцы — въ лабиринтѣ пещеръ, гдѣ стережетъ ихъ и насъ Минотавръ, богъ человѣческихъ жертвъ.

V

Разъ уже погубилъ Атлантиду-Европу духъ «титанической, божеской гордости», *hybris*. «Въ день паденья твоего, все множество народа въ тебѣ упадетъ въ сердце морей... за то что ты говоришь: «я — Богъ».

Древній титанъ, *Homo Musteriensis*, укралъ огонь у боговъ и сказалъ: «я — Богъ», а долженъ бы сказать: «я

— воръ». То же воровское — во всей «культурѣ демоновъ», культурѣ вмѣсто религіи, пеплѣ вмѣсто огня, — томъ стынущемъ пеплѣ, на которомъ цари Атлантиды сидятъ, рѣшая: «миръ или война?»

VI

«Ты — печать совершенства, полнота мудрости и вѣнецъ красоты. Ты находился въ Эдемѣ, саду Божиѣмъ... Ты былъ херувимомъ помазаннымъ... ходилъ среди огнистыхъ камней... Ты совершенъ былъ въ путяхъ твоихъ... доколѣ не нашлось въ тебѣ беззаконія... Внутреннее твое исполнилось неправды, и ты согрѣшилъ... За то Я повергну тебя на землю... извлеку изнутри тебя огонь и превращу тебя въ пепель... Ты сдѣлаешься ужасомъ, и не будетъ тебя во вѣки». Только ли о первой Атлантидѣ это сказано?

E.

VII

Атлантида была — Апокалипсисъ будетъ.

«Въ одинъ день придутъ на нее казни... и будетъ сожжена огнемъ. И восплачутъ и возрыдають о ней цари земные... И всѣ кормчіе, и всѣ плывущіе на корабляхъ, и всѣ корабельщики, и всѣ торгующіе на морѣ стали вдали. И, видя дымъ отъ пожара ея... посыпали пепломъ головы свои, и вопили, плача и рыдая: горе, горе тебѣ, городъ великій... ибо опустѣлъ въ одинъ часъ! — И одинъ сильный Ангелъ взялъ камень, подобный большому жернову, и повергъ въ море, говоря: съ такимъ стремленіемъ поверженъ будетъ... великій городъ, и уже не будетъ его».

Это и значить: вторая Атлантида погибнетъ такъ же, какъ первая.

VIII

«Бездна правосудія Божьяго равна безднѣ милосердія», по грозному слову Данте. Будемъ же помнить его, думая не только объ Атлантидѣ бывшей, но и будущей.

IX

«Вышли персты руки челоуѣческой и писали противъ лампы на извести стѣны: мене, мене, текелъ, у пар си н ъ... Исчислилъ Богъ царство твое и положилъ ему конецъ; ты взвѣшенъ на вѣсахъ и найденъ очень легкимъ».

«Послѣ той ужасной катастрофы (конца Атлантиды), равновѣсье было скоро возстановлено: такъ точны вѣсы, взвѣшивающіе бездны, съ одной стороны, и горы, съ другой», говоритъ современный геологъ.

Миръ и война — тоже двѣ чаши вѣсовъ.

X

Что погубило Атлантиду, мы знаемъ; но мы должны знать, и что ее спасетъ. Можетъ ли спастись Атлантида, — какъ будто безумный вопросъ, но вотъ, онъ поставленъ Божественной мудростью: «тварь съ надеждою ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ... ибо вся тварь совокупно стенаетъ и мучится доннѣ».

«Вся тварь», отъ начала творенія, — значить, и Атлантида.

«Христось... находящимся въ темницѣ духамъ, сошедши проповѣдывали, нѣкогда непокорнымъ ожидавшему ихъ Божию долготерпѣнію, во дни Ноя, во время строенія ковчега, въ которомъ немногіе... спаслись отъ воды». Это и значить: погибшимъ братьямъ нашимъ, Атлантамъ проповѣдуетъ Господь спасенье, такъ же какъ намъ, погибающимъ.

XI

Поль-человѣка нельзя спасти, можно — только всего; и поль-человѣчества — нельзя, можно — только все.

Странное занятіе спасать Атлантавъ? Не болѣе странное, чѣмъ спасать себя.

XII

Атлантида — жертва, пусть невольная, но все-таки жертва за насъ. Мы должны и можемъ сдѣлать ее не тщетною. Спасая Атлантовъ, спасаемъ себя. Богъ Горъ въ египетскихъ таинствахъ воскрешаетъ отца своего, Озириса: такъ мы, второе человѣчество, воскрешаемъ первое.

XIII

«Лучшее племя людей обитало на вашей землѣ (до потопа), и вы произошли отъ его уцѣлѣвшаго малаго сѣмени». — «Если сѣмя не умретъ, то не оживетъ». Сѣмя Атлантовъ умерло, чтобы ожить въ насъ. Смертью Атлантовъ мы живемъ, ихъ гибелью спасаемся.

XIV

Древне-вавилонскому Ною-Атрахазису боги велятъ передъ потопомъ зарыть въ землю, въ Шуриппакъ, Городъ Книгъ, клинописныя скрижали допотопныхъ мудрецовъ, и, послѣ потопа, все опять начинается отъ этого «уцѣлѣвшаго малаго сѣмени». Все наше «знаніе-воспоминаніе», *anamnesis* — наслѣдіе второго человѣчества отъ первого.

Гильгамешъ, посѣтивъ Атрахазиса,

Взоромъ проникъ въ глубочайшія тайны,
Съ сокровеннѣйшей мудрости поднялъ покровъ...
Вѣсть намъ принеси о вѣкахъ допотопныхъ.

XV

«Ной — остатокъ вашъ», говоритъ Атласъ-Енохъ. Спасшійся духъ Атлантиды, послѣдній Атлантъ, «Ной утѣшитъ землю». Это и значитъ: не только мы спасаемъ Атлантовъ, но и они спасаютъ насъ.

XVI

Древней мудрости «малое сѣмя», зарытое въ землю передъ потопомъ — сѣмя будущаго рая, царства Божьяго на землѣ, какъ на небѣ: — «да придетъ царствіе Твое» — вѣчный миръ.

XVII

«Сѣмя Жены сотретъ главу Змія», сказано первому человеку, Адаму, и осталось въ памяти перваго человѣчества. Это слово Бытія — первое Евангеліе: «прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь».

XVIII

«Тщетною тайною» соблазнили человѣчество Бень-Элогимы, падшіе Ангелы (въ «Книгѣ Еноха»), тѣ же Атланты. Можетъ быть, одну изъ этихъ тайнъ сообщаетъ Куть-Ами (Qut-âmi), пророкъ Набатейнъ, іудео-вавилонскихъ гностиковъ, въ сѣверо-западной Аравіи.

Вѣчность состоитъ изъ ряда космическихъ вѣковъ-эоновъ. «Въ каждомъ вѣкѣ сохраняется нетлѣннымъ тѣло одного человѣка-бога; когда же наступаетъ новый эонъ, Богъ воскрешаетъ его, вдыхая духъ въ него, подобный Духу Своему, и человѣкъ тотъ становится богомъ для людей того эона, а потомъ опять умираетъ и сохраняется въ нетлѣннн, чтобы воскреснуть въ новомъ эонѣ, и такъ во вѣки вѣковъ».

Это очень похоже на «безконечный прогрессъ» — самую «дурную» изъ всѣхъ безконечностей. Съ чѣмъ ее сравнить — съ верчениемъ бѣлки въ колесѣ или метаньемъ сумасшедшаго въ камерѣ для буйныхъ, который хочетъ и не можетъ разбить себѣ голову о мягко-обитую стѣну?

«И такъ во вѣки вѣковъ»? Нѣтъ, не такъ: Богъ Человѣкъ жилъ, умеръ и воскресъ только разъ въ вѣчности: Много тѣней — Тѣло одно. Люди-боги всѣхъ погибшихъ міровъ, Атлантидъ, — только тѣни единого Солнца-Сына.

XIX

Очень хорошо говорить объ этомъ бл. Августинъ: «то, что мы называемъ христіанствомъ, было отъ начала міра, пока не пришелъ Христосъ во плоти, и бывшая отъ начала, истинная религія не получила названія: Христіанство» Лучше, точнѣе нельзя сказать. Это и значитъ: тѣни къ Тѣлу ведутъ; боги всѣхъ погибшихъ міровъ, заходящія солнца всѣхъ Атлантидъ, ведутъ къ незакатному Солнцу-Христу.

XX

Связь второго человечества съ первымъ порвана въ исторіи, но уцѣлѣла въ мистеріи — въ томъ, что Шеллингъ называетъ «перворелигіей чело в ѣ ч е с т в а», *Ursystem der Menschheit*. Боги мистерій, страдающіе вмѣстѣ со своими мірами — Озирисъ, Таммузъ, Адонисъ, Атисъ, Митра, Діонисъ на Востокѣ, Кветцалькоатль на Западѣ — въ обѣихъ половинахъ расколотившагося міра, суть боги этой перворелигіи — горы затонувшаго материка, — Атлантиды.

XXI

Если наше второе человечество погибнетъ, такъ же какъ первое, не исполнивъ своего назначенія, то его исполнить — третье.

Жизнь міра — Божественная трилогія: Атлантида, Исторія, Апокалипсисъ — три человечества.

XXII

Съ тою же божественно-математическою точностью, съ какою Херувимы движуть солнцами, ев. Іоаннъ говоритъ:

Три свидѣтельствуютъ на небѣ:
 Отецъ, Слово и Святой Духъ,
 и сіи Три суть Едино;
 и Три свидѣтельствуютъ на землѣ:
 Духъ, Вода и Кровь,
 и сіи Три объ одномъ.

Чтобы это понять, надо увидѣть три человечества: первое — Атлантиду — крещенное водою потопа; второе — Исторію — крестящееся Кровью Голгофы; третье — Апокалипсисъ — которое будетъ крещено Духомъ — Огнемъ.

XXIII

Первый міръ — Отца, второй — Сына, третій — Духа, ибо въ трехъ мірахъ совершается тайна Трехъ.

XXIV

Если бы физическое тѣло двигалось отъ земли къ лунѣ, то достигло бы точки въ пространствѣ, гдѣ кончается земное притяженіе, начинается — душевое: такъ человечество, двигаясь отъ начала міра къ его концу, достигнетъ точки во времени, гдѣ кончается Исторія, начинается Эсхатологія.

Конецъ міра можетъ быть спасеньемъ и гибелью, «новымъ небомъ и новой землей, гдѣ обитаетъ правда», или хаосомъ.

Хочетъ ли человечество жить, какъ «бессмертное животное»? Хочетъ, но не всегда. Вдругъ начинаетъ томиться, сходить съ ума отъ «дурной безконечности» и, чтобы вырваться изъ нея, готово разбить себѣ голову объ стѣну. Первый припадокъ такого безумья мы только-что видѣли въ мировой войнѣ; можетъ быть, скоро увидимъ и второй. «Всѣ будутъ убивать другъ друга». — «Тѣ, кто угнетаетъ и напачааетъ, воюетъ и убиваетъ, и разрушаетъ все на землѣ... обратились на людей, чтобъ ихъ пожирать»... А потомъ и на самихъ себя: «и ѣли плоть свою, пили кровь свою» («Книга Еноха»). — «Люди убивали другъ друга въ какой то бессмысленной злобѣ... бросались другъ на друга, кололи и рѣзались, кусали и ѣли другъ друга. Всѣ и все погибло» (Достоевскій).

Только сейчасъ, послѣ первой всемірной войны и наканунѣ — второй, мы начинаемъ понимать, что возможная цѣль «безконечнаго прогресса» — безконечная война, самоистребленіе человечества.

XXV

«Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ; не такъ, какъ миръ даетъ, Я даю вамъ». Вотъ, въ нашей «христіанской» Европѣ самая забытая слова Забытаго, самая неизвѣстная — Неизвѣстнаго.

Если же, на краю гибели, Европа все-таки вспомнить о Немъ и захочетъ вернуться къ Нему, то боги Атлантиды укажутъ ей путь къ Неизвѣстному.

Д. Мережковскій.